

Кама Гинкас в поисках любви

В московском ТЮЗе вышел «Счастливый принц» Оскара Уайльда

Последний спектакль Камы Гинкаса, поставленный по «Счастливому принцу» Оскара Уайльда, называется «притчей о любви» — он посвящен его жене Генриетте Яновской и на днях впервые прошел в московском ТЮЗе.

Известия, — 2000. — 2 нояб. — с. 10

Алексей ФИЛИППОВ

К тому, что в профессии делает Гинкас, слово «пошлость» не применимо: этот режиссер ее абсолютный антипод. Но текст представляет собой данность, от которой некуда деться: над городом стоял золотой принц с сапфировыми глазами, на его плечо села маленькая веселая ласточка, и они принялись помогать сырым и убогим. Вот тут-то и зарыгала собака: сырые и убогие (равно как и счастливые с богатыми) внушают режиссеру глубочайшее отвращение.

Пошлость снимается режиссерским юмором: гибкий тростник шурует глазки и виляет попой, воробы, с которыми общается ласточка, напоминают панков, а сама ласточка стала ищущей приключений дамой средних лет, снабженной дорожным чемоданчиком и трогательным ядовито-розовым боа. Это цветочки, ягодки начинаются, когда на сцену выходят те,

из-за кого принц ослепнет, а ласточка замерзнет: пухлая и белобрысая, источающая мед и патоку безобразно сытая мама и ее отвратительный сын — больной малютка превратился в крупного и бойкого дебила с бегающими глазами и тухлой улыбкой. Непризнанный гений стал самовлюбленным долдоном; с маленькой девочкой, замерзающей на улице, режиссер обошелся нелучше. Это жуткие люди, и безымянные городские бедняки, получающие золото, которым покрыт принц, несколько не лучше: они не станут ждать милостей от принца и ласточки, а возьмут их сами — залезут на статую и обдерут все что смогут.

Люди такая дрянь, что жертвовать ради них не стоит ничем. Принц и ласточка сделали то, что они сделали, и мир из-за этого лучше не стал, — есть толпа, есть избранные, красота и смысл их поступков для черны неспасительны. Спектакль спасает ирония: жители городка явно нехороши, но в пер-

вую очередь они все же смешны, а тростник и его многочисленная, украшенная зелеными бантиками родня, мчащиеся в Египет вертихвостки-ласточки и ласточкин кавалер — жук, с которым тростник разделяется по-свойски, придуманы очень хорошо — Гинкас населил спектакль множеством забавных, причудливых, живущих своей жизнью созданий. Это порой переходит в фантазмагорию, и тогда горожане движутся по сцене, как маршкетки, жужжа и шелестя, не глядя друг на друга, — мир, населенный примитивными, банальными существами, лишен души и распадается на глазах. Но к счастливому принцу Гинкас относится со всей серьезностью, и здесь Оскару Уайльду удалось за себя отомстить.

По своей интеллектуальной и эмоциональной наполненности спектакли Гинкаса не знают себе равных, и «Счастливый принц», самая тюзовская из всех его работ, здесь не исключение. Уайльд старался посильней разукрасить своего героя, наделил его и ангельской красотой, и позолотой, и огромными драгоценными камнями. А Гинкас превратил принца в хрупкое,

бесполое, ангелоподобное существо (его играет Ольга Лагутина) — нежный голос, длинные белоснежные волосы, девичьи интонации. Когда Гинкас изображает плетя, его спектакль жесток, смешон и временами страшен; когда он сосредоточивается на идеале, в него благополучно проникает та приторная тюзовская рутинка.

Интересно представить «Счастливого принца» как плод духовного кризиса, потерпевший крах поиск идеала. Темную сторону жизни Гинкас видит яснее светлой, и здесь он попытался изменить и свое творчество, и самого себя. Ему было важно сказать о том, что он любит, но в результате он не сказал ничего. К этому надо отнестись с уважением — такая неудача не имеет ничего общего с профессиональным неумением или театральным пустословием. «Счастливого принца» стоит посмотреть хотя бы ради того, чтобы увидеть, как одаренный человек пытается извлечь из своей души то, чего в ней нет. И это очень драматичное зрелище — трагедия, о которой здесь идет речь, лишь в малой степени связана с бедями золотого принца с сапфировыми глазами.